

О.Ю. Красильников

*Значные места
города Саратова*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Юрьевич Красильников

Злачные места города Саратова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63577777

SelfPub; 2021

Аннотация

Автор в жанре серии рассказов описывает самые известные злачные места города Саратова, существовавшие на рубеже девяностых-двухтысячных годов: кафе, бары, рюмочные, забегаловки. Здесь можно было выпить и закусить, найти собутыльников и интересных собеседников, поговорить о политике и послушать местные байки. Книга будет интересна краоведам города Саратова, любителям истории малой родины и всем почитателям житейских рассказов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. НАЧАЛО	5
ГРАНЕННЫЙ СТАКАН	10
2. АРЛЕКИНО	15
АРМИЯ: ГОД СПУСТЯ	21
3. АРЕНА	26
МАРШАЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ	29
4. ЛЕДОК	37
КРЕЩЕНИЕ	41
5. КАЗИНО	45
ОСЬ ОТ КОЛЕСА	48
6. РОССИЙСКИЙ ВИНА	55
КУЛИНАРНЫЙ ЭКСТРИМ	58
7. БАРРАКУДА	62
ЗАНЯТНАЯ ИСТОРИЯ С ВАУЧЕРАМИ	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Олег Красильников

Злачные места города Саратова

*В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.*

*Александр Блок,
«Незнакомка»*

1. НАЧАЛО

Все началось в конце далеких восьмидесятых годов прошлого века, в пору моей студенческой юности. Рюмочные и закусочные в Саратове в ту пору были на каждом углу, особенно много на рабочих окраинах, в Ленинском и Заводском районах.

Помню, дед мой Александр Михайлович работал тогда сторожем на стадионе «Волга», что от авиационного завода (ранее – завода комбайнов). Отсюда и пошло название микрорайона – Комбайн. В то время заводы строили не только стадионы, но и целые жилые кварталы. Так и повелось, предприятия давали имена местным поселениям. Горожане, проживавшие рядом с подшипниковым заводом, говорили «мы с Шарика», а те, кто жил недалеко от нефтеперерабатывающего комбината, были с «Крекинга». Но сохранились и старые исторические названия Елшанка, Улеши, Увек.

Дед мой был на все руки мастер: и столяр, и плотник, и сапожник. До войны он работал шофером на заводе комбайнов. А когда разразилась Великая Отечественная, получил бронь от завода. Но война все равно догнала его. Деда Сашу как и многих других водителей в конце 1941 года перебрали под Ленинград, который с сентября находился во вражеской блокаде. В городе свирепствовал голод, и дед носил-

ся на своей полуторке по льду Ладожского озера, объезжая полыньи от разорвавшихся бомб, а иногда и под бомбежкой, доставляя по «дороге жизни» драгоценное продовольствие в город на Неве.

После войны дед вернулся на родной завод, работал плотником, а когда вышел на пенсию подрабатывал сторожем на стадионе «Волга» и за божескую плату ремонтировал всем желающим обувь на дому. Сапожник он был знатный, но и выпивал изрядно. Вот когда я понял смысл знаменитой поговорки: «Пьет как сапожник».

В семидесятые годы в районе проходных авиационного завода и соседнего кинотеатра «Темп» существовало несколько рюмочных и пивных. Самыми известными из них были «Синенький» и «Матрасник». Последний представлял собой огромный деревянный балаган со столами и лавками. Он находился прямо у проходных и рабочий люд, отстояв трудовую смену, неизменно сворачивал налево, залить вином горечь жизни.

В «Матраснике» было все: водка, пиво и вино. Вино самое что ни на есть паршивое – в основном портвейн «три семерки» и крепленый яблочный «шафран», от которых на утро раскалывалась голова. Как говорится: не теряйте время даром – похмеляйтесь «Солнцедаром». Народ нещадно курил дешевые «Беломорканал» и «Приму». Смерд от папирос стоял столбом. Казалось, брось бычок и он не упадет, а по-

виснет в дыму. Нехитрой была и закуска: соленые огурцы, бутерброды с селедкой, вобла, иногда раки. Застолье продолжалось до ночи. Часто случались пьяные драки по извечному русскому поводу: «Ты меня уважаешь?». Синяки, разбитые носы и свернутые челюсти были в порядке вещей.

Но всегда начеку стояли недремлющие жены. Как только мужик долго задерживался с работы, они дружной толпой обходили окрестные злачные места и собирали пьяный «урожай». Кто тащил своего муженька под руки, а кто гнал его пинками, сопровождая громкой бранью. Но на этом дело не заканчивалось, скандалы продолжались и дома. Иногда мужик начинал качать права и прикладывал руку не только к бутылке, но и к своей женушке. Все это наблюдали дети, зачастую прячась под столом или под кроватью. Бывало, протрезвев, муж потом долго каялся и просил прощения. А на утро с болью в сердце и в голове снова надо было идти на работу.

Уже никто не помнит, когда в «Матрасник» зашел человек с козой. Звали его Семен. Возраста он был неопределенного, скорее всего – пенсионер. Худой как трость с узкой седой бородой, под стать своей козе или козлу. В половом вопросе местные алкаши не разбирались. Звал он животное Машкой. Значит коза – подумали завсегдатаи заведения. Посетитель был одет в затрапезный издававший виды плащ и разношенные черные ботинки.

Мужик выпил стакан водки, занюхал рукавом балахона, и хотел было уже уходить, как коза жалобно заблеяла.

– Что Машка, тоже хочешь? – Семен ласково погладил животное.

Затем он взял еще стакан водки, вылил его в глубокую тарелку и поставил перед козой. Завсегдатаи притихли: «Неужели выпьет?». Машка, как ни в чем не бывало, стала лакать содержимое мелкими глотками и выглядела вполне довольной. Мужик тем временем выпил еще водки, и захмелел, стал что-то напевать себе под нос. Коза тихонько подблеивала, вызывая всеобщий восторг местных алкашей.

С тех пор Семен еженедельно по вторникам и четвергам навещался в «Матрасник», неизменно собирая публику желающих послушать экзотический дуэт. Где жил Семен, никто не знал. Скорее всего, где-то на Пролетарке, на одной из улиц, которые разбитыми ухабами уходили далеко в гору. Там было много частных домов, владельцы которых держали кур и домашнюю скотину.

Так проходили годы и завсегдатаи «Матрасника» уже привыкли к мужику с козой как к своеобразному символу заведения. И вот как-то раз во вторник Семен не пришел. Алкаши всполошились. Что случилось? Может, помер? А он действительно умер. Жил один и тихо скончался в одиночестве. И только Машка часами блеяла над охладевшим телом. А когда наступил очередной четверг, коза ткнулась рогами в калитку, вышла наружу и поплелась вниз по улице.

Каково было изумление народа, когда Машка одна без Семена забрела в «Матрасник», подошла к стойке и тихо за-
блеяла.

– Выпить хочет, – почти хором сказали сердобольные ал-
каши. – Хозяин, наверное, заболел. Давай нальем.

Налили, коза выпила и засеменила к выходу. Несколько
человек пошли следом. Так и нашли окоченевшего Семена.
А коза через несколько дней околела. Не выдержала, значит,
сердешная разлуки – скумекали мужики.

ГРАНЕННЫЙ СТАКАН

У меня был дядя – маркёр, звали Володей. Приземистый, коренастый словно пенек, весь перепачканный мелом, он заведовал бильярдной в клубе Саратовского авиационного завода или, как все его называли – СЗК. Еще не забыл народ Саратовский завод комбайнов. Дядя Володя прихрамывал на левую ногу. Говорил хрипло, как будто в горле у него застряла вишневая косточка и никак не могла оттуда выскочить. А он все силился ее выперхнуть, поэтому хрип был глухой и неприятный.

Ходили слухи, что дядя в свое время был в авторитете и даже сидел. На зоне не поладил с кавказцами. Его жестоко избили. Отсюда и проблемы со здоровьем. Освободившись, дядя получил инвалидность и, наконец, устроился на спокойное место – в бильярдную клуба авиазавода.

Все знают, что в советское время играть на деньги было запрещено. Но это никого не пугало. Как говорил известный киногерой Копченый: «Это только пацаны на щелбаны играют». Стандартная такса была один рубль за партию плюс коммиссионные дяде Володе за молчаливое согласие.

Официально бильярдная работала до десяти вечера. Потом она закрывалась изнутри на ключ, и начинались игры «по крупному». Иногда – совсем по крупному. На такие ме-

роприятия нельзя было попасть с улицы, собирались только проверенные клиенты. Фильтровал публику сам дядя Володя. За бильярдным столом – местные корифеи по катанию шаров. Вокруг люди с деньгами делают ставки. Чем не тотализатор эпохи застоя? И над всем царит дядя Володя. Руководит, собирает ставки, выкрикивает суммы, предвкушая хороший навар. Иногда в азарте, забыв про обязанности маркёра, дядя тоже ввязывался в игру. Делал крупные ставки, был то в шоколаде, а то и без штанов в прямом смысле слова, каким я однажды его видел. Он шел по улице прямо в семейных трусах, стыдливо прячась от прохожих в тени деревьев.

Однажды вечером меня привел в бильярдную дед, в надежде распить пузырек с родственником после того, как игроки разойдутся по домам. В конце дня дядя всегда был при деньгах. Мы застали самый разгар игры, когда Володя сошелся в непримиримой схватке с постоянным завсегдатаем заведения и классным бильярдистом Петровичем. Они сыграли уже не одну партию, распаляясь все больше и больше. Поединок шел с переменным успехом, счет был равный.

– Ну что, может быть, завершим вничью, – наконец предложил Петрович.

– Так не пойдет, на фронте мы всегда воевали до победного, – прохрипел бывший зек Володя, который и на войне-то никогда не был. – Слабо, сыграть на стольник?

– Ты меня на слабо не бери. – С этими словами Петрович вынул из кармана аккуратно сложенную сторублевку и

небрежно кинул на бильярдное сукно.

– И на этом закончим, а то жена, наверное, заждалась, – подытожил он.

Собравшиеся одобрительно загудели, предвкушая серьезную игру. Многие заключили пари. Большинство поставило на дядю, как на более опытного игрока.

– Смотри, не подведи нас, – слышалось со всех сторон.

И партия началась. Я тогда был еще ребенком и не разбирался в правилах бильярда. Запомнились только громкие восклицания: «Свояка в угол! Бей дуплетом! Мазила!». Толпа волновалась и ходила ходуном вокруг стола.

Подвела дядю самоуверенность. Он сам не раз учил новичков, что шары для всех катятся одинаково. Но поддавшись азарту, стал терять концентрацию, работать на зрителя, во всех его действиях сквозила помпезная глупость. А Петрович, напротив, был собранным как никогда. Короче, дядя Володя проиграл, чем поверг в уныние болельщиков, сделавших на него ставки.

– Снова придется штаны снимать, – тихо шепнул мне дед и как в воду глядел.

Дядя хотел отыгаться и опять проиграл. Оказалось, что у Володи не хватает денег, чтобы расплатиться с соперником. Он с надежной посмотрел на деда, но у того в карманах было пусто. Дядя отвел родственника в сторону и сказал ему на ухо:

– Покажи им трюк, который у меня на именинах делал.

Дед запротестовал:

– У меня от того фокуса до сих пор зубы болят.

– Ну, покажи, Христом богом прошу, беленькую выставлю.

Против такого аргумента трудно было спорить, и деда Саша согласился. В конце концов, надо было спасать родственничка.

Тем временем дядя Володя открыл сейф, где хранились средства бильярдной, и, делая вид, что ищет деньги, громко обратился к Петровичу.

– А спорим, мой свояк откусит кусок от граненого стакана? – зная страсть своего соперника ко всякого рода пари, дядя не сомневался, что тот клюнет на спор.

Все посмотрели на деда. Александр Михайлович был известным и уважаемым человеком. Многие отдавали ему обувь в починку.

– А ты сам перекуси, – проворчал Петрович.

– Да ни в жисть не перекусит, – раздался голоса.

– Понятно, что не перекушу, потому как инвалид войны, – важно сказал Володя. – А вот свояк перекусит.

Петрович колебался. За деньги он не опасался, рано или поздно маркер долг отдаст. Но посмотреть на то, как дед будет кусать граненый стакан, тоже хотелось. Да к тому же подначивали окружающие. Они уже готовы были делать ставки на исход спора. Видя такое дело, Володя подлил масла в огонь:

– Ставлю сотку на свояка.
– Да у тебя и денег-то нет.
– Ничего, за мной не застоится. Сегодня – пусто, завтра – густо.

– Черт с тобой – отвечаю, – и спорщики ударили по рукам.
Из сейфа на свет появился стакан. Да не какой-нибудь современный худосочный бокал, а настоящий Мухинский, граненый, с шириной стенок не меньше пяти миллиметров.

Дед взял стакан в руки, повертел его, посмотрел на просвет и сказал:

– Такой перекусить – не сотку стоит.

Окружающие заволновались и сбросились еще на пару стольников. Дед посмотрел на деньги, потом на стакан, на деньги, еще раз на стакан и зажал его боковину во рту между верхними и нижними зубами. Поднапрягся и резко дернул рукой вниз, отломив при этом часть граненой стенки. Послышался хруст стекла и зубов, по щекам и подбородку потекла кровь. Видно, что деду было больно, но он улыбался.

Послышались восхищенные возгласы, дядя Володя показал Петровичу язык, быстро сгреб деньги и сунул в карман. Впоследствии он выставил не одну, а целых две бутылки водки, которые, впрочем, вместе и распили. Потом дал деду одну сотенную бумажку, а остальное зажиллил.

2. АРЛЕКИНО

Первым саратовским кафе, где подавали кофе и мороженое в железных креманках было «Арлекино» на проспекте Ленина (ныне улица Московская). Несмотря на то, что алкоголь здесь не разливали, место было модным. Сюда частенько заглядывала золотая молодежь того времени, дети партийных и советских работников. Тогда было не зазорно пригласить девушку и угостить ее молочным коктейлем и мороженым с шоколадной крошкой.

Сидя в «Арлекино» с девчонками я любил рассказывать о своем пребывании во всесоюзном лагере «Артек». Побывать в то время в «Артеке» – все равно, что побывать на Луне. Мне, как редактору школьной стенгазеты и комсомольскому активисту посчастливилось отдохнуть в этом прославленном пионерском лагере. Отбор был жестким: собеседование сначала в райкоме, потом в обкоме комсомола. В конце концов, от Саратовской области было отобрано всего два человека на этот тематический слет корреспондентов пионерских и комсомольских средств информации (газет и радио). В числе этих двоих оказался и ваш скромный автор. Комсомольские вожаки по достоинству оценили мой писательский талант. Кроме того я хорошо рисовал. Как-то раз даже занял первое место в конкурсе политического плаката 1983 года.

Помню, он изображал падающий корейский Боинг с подписью «Нет грязным провокациям ЦРУ!»

В далекие восьмидесятые еще не было межнациональных конфликтов или их тщательно скрывали. По крайней мере, о них никто не слышал. Однако уже тогда ростки будущих распрей зрели и пробивались наружу сквозь толщу коммунистической пропаганды. Это проявилось даже в «Артеке», где меня поселили в одной комнате с чернокожим эфиопом и двумя выходцами откуда-то с западной Украины. С негром из Эфиопии отношения наладились сразу, эти же двое, как я их назвал «западенцы», постоянно домогались ко мне со всякими мелочными претензиями. То им то – не так, то это – не эдак. Вот что значит историческая память – все простить нам чего-то не могут. В конечном итоге пришлось с ними подраться. Несмотря на численное превосходство, победа осталась за мной. После этого мои соседи стали шелковыми и сговорчивыми. Символично, что все это произошло в 1982 именно в Крыму, а потом все повторилось в две тысячи четырнадцатом. Но тогда я был молодой и не понимал знаков судьбы.

Второй раз я столкнулся с откровенным проявлением национализма в армии в 1985 году. После призыва меня направили в учебку. Она находилась в Подмосковье, недалеко от города Руза. В нашей роте было четыре взвода, составленные по географическому и, как оказалось, национальному признаку. Один взвод был русский и состоял из тех, кто призы-

вался из Саратова. Второй был сформирован из призывников с Украины. Третий – узбекский. А четвертый сплошь состоял из чеченцев. Уже в учебке сложились неуставные взаимоотношения, хотя этого по идее не должно было быть, так как все военнослужащие были одногодками. Так вот, чеченцы всеми способами чморили узбеков: унижали, притесняли, заставляли выполнять за них грязную работу: мыть полы, убираться в умывальнике и туалете. Нас с украинцами почему-то не трогали. Как-то раз, задержавшись в наряде допоздна, я спросил всеми признанного предводителя чеченцев по прозвищу Мамай:

– За что вы так не любите узбеков?

– Мы ненавидим черножопых, – ответил он.

А вы говорите – в СССР был интернационализм. Уж не знаю, помнит ли Мамай о нашем разговоре? Жив ли он? С такой как у него харизмой, Мамай либо сгинул на полях бывших чеченских войн, либо дорос до высших чинов республиканской администрации.

На чеченский беспредел начальство смотрело сквозь пальцы, впрочем, также как и на художества ротного старшины – прапорщика Тащилина. Видимо, фамилия отразилась на натуре прапора. Словно голубой воришка из «Двенадцати стульев», он тащил все. И то, что плохо и то, что хорошо лежит. Бушлаты, шинели, сапоги, зимние шапки и даже носки. По-моему он стырил полкаптерки. Скорее всего, он делился с командиром роты – майором Кавериным, а тот, в

свою очередь, его покрывал.

С этим самым майором у меня случился конфликт. Как-то раз, когда я дежурил по роте, заглянул ночью в казарму. Там два чеченца подняли на матрасе мирно спящего узбека и уронили на пол. Бедный узбек, не столько ударился, сколько испугался и как незрячий щенок смешно подрыгивал конечностями. Я в шутку рассказал об этом замполиту. А тот на полном серьезе – командиру роты. Так этот самый майор Каверин на утреннем построении приказал мне выйти из строя и при всех отругал за то, что я скрыл от него ночное происшествие. На самом деле это был прямой посыл к чеченцам, мол, смотрите вот он стукачек, можете его потом побить.

Со стороны это выглядело комично.

– Рядовой такой-то.

– Я.

– Выйти из строя, – командует майор Каверин.

Я выхожу. Комроты при всех распекает меня. Присутствующий здесь же замполит вдруг громко произносит:

– Рядовой такой-то.

– Я.

– Встать в строй.

Встаю в строй. Каверин опять командует:

– Выйти из строя.

Замполит:

– Встать в строй.

И так повторяется раза три. Короче, командир и замполит

поцапались друг с другом из-за меня. Комедия! Хотя мне было не до смеха.

Впоследствии чеченцы меня действительно хотели избить. Припёрли толпой к подоконнику. Один, самый горячий схватил за грудки, вот-вот ударит. Орет во все горло, но проходит минута-другая, а он все медлит. Земляки мои видят ситуацию, но не вмешиваются, не заступаются за меня. Боятся! Я уже понял, что бить не будут. Но ситуацию надо как-то разрешить. Чеченцы не хотят потерять лицо. И тут один из них говорит:

– Не бей его, а то он головой стекло выбьет.

Действительно, сзади находилось окно. Тут же горячий пыл чеченца угас. Он отпустил меня с угрозами:

– Мы с тобой потом рассчитаемся.

Мне рассказывал товарищ, дежуривший в последнюю ночь перед отправкой из учебки в часть, что вроде бы чеченцы хотели меня убить, а он меня от них спас. Как бы то ни было, спал я в эту ночь спокойно.

Зато на следующий день на мне отыгрался майор Каверин. Дело в том, что благодаря протекции замполита, меня должны были отправить для дальнейшего прохождения службы в Одессу. В общем можно было вдоволь накупаться в Черном море. И вот стоим мы на плацу: с одной стороны человек сорок, кого отправляют на Дальний Восток, с другой – человек семь в Одессу. Майор увидел меня в их числе и аж побелел от злости. А тут еще не к месту я стал возмущать-

ся, что в вещмешке не хватает положенного обмундирования, в частности носков: старшина-прапорщик не доложил. Майор стал еще злее и под благовидным предлогом переиграл распределение. Поменял меня на украинца из дальневосточной команды, у которого имелись жена и ребенок. Так, видишь ли, он будет ближе к семье. Я уверен, что комроты втайне надеялся, что на самом краю страны я подохну. Однако, как я позже узнал, он сам вскоре помер от рака. Как говорится, не копай другому яму, сам в нее попадешь. И еще: никогда не доверяй свои тайны политработникам.

Теперь позволю себе немного пофилософствовать о службе.

АРМИЯ: ГОД СПУСТЯ

Что такое армия? Иногда – это комедия. Помню при прохождении медицинской комиссии, а там, как известно надо раздеваться догола, у одного парня инстинктивно встал член. При этом врачиха невозмутимо сказала:

– Вон на подоконнике стакан с холодной водой.

Призывник трясущимися руками схватил его и осушил до дна.

– Вообще-то это для твоего пениса, – хихикнула врач, так как вода уже не раз была использована по назначению.

Подобных юмористических ситуаций за время службы было предостаточно. Теперь о серьезном.

Армия – это вечное противостояние, пьянящее чувство риска, стыд унижения и головокружение от безраздельной власти. Это первые враги и настоящие друзья, это честолоубивые замыслы и вечное ожидание возвращения домой.

Армия – это жизнь! И как всякая жизнь она не бывает легкой. Это всегда борьба, борьба за честь и человеческое достоинство, борьба принципов и беспринципности, правды и лжи, борьба людей и мнений, добра и зла.

Армия – это человеческие отношения, не ограниченные стереотипами мышления и рамками придирчивого этикета. Это отношения мужчин в их, так сказать, первобытном виде.

Вы скажете: «А как же устав?». Да, устав есть, но наивно было бы думать, что вся жизнь солдата строго ограничена его рамками. Никакой устав не сможет охватить всю глубину и противоречивость человеческих отношений. Люди в жизни – не солдаты в строю! Рожденные чувствами их поступки – это отношения вне устава. Но почему-то мы вспоминаем о них только тогда, когда они приобретают характер преступления.

Армия – это полное раскрытие личности, ее положительных и отрицательных сторон. В человеческом коллективе они раскрываются бурно, подчас односторонне. Люди слабые, мелочные – не выдерживают, опускаются на самое дно: глотают иголки, рубят пальцы, бегут из части. В госпитале я сам видел таких «шпагоглотателей». Сочувствия они, как правило, не вызывают. Армейский конформизм формирует свои законы. Коллектив делится на группы по срокам службы на лидеров и молчаливо соглашающихся. Дедовщина – реальное явление и, хочется этого кому или нет, с ней приходится считаться. Мне рассказывали, как старослужащие издевались над вновь прибывшими «духами». Так называли только что призванных на службу солдат. Дед засовывал в рот молодому провода от телефона ТАИ-43 и со всей дури крутил ручку индуктора. Бедный дух корчился в судорогах, а старослужащий громко хохотал. ТАИ-43 – это такой армейский телефон в карболитовом корпусе с массивной трубкой, как у аппарата Сталина. Между прочим, при максимальных

оборотах индуктора он вырабатывает ток аж до 160 вольт. Еще деды били духов пряжками по пятой точке, заставляли бегать в самоволку за спиртным в ближайший гражданский магазин. А в это время бдительный начальник штаба выслеживал их из засады с биноклем, и тогда пожалуйста на гауптвахту, или как мы ее называли – кичу. Да чего только не было!

Не снят с повестки дня и национальный вопрос. Видимо, кричать на каждом углу, что мы – интернационалисты, значительно легче, чем воспитать этот самый интернационализм в каждом человеке. Национализм как бы запрограммирован всем ходом еще доармейской жизни, он начинается с незнания языка, с желания не работать, «свалить дурака», а кончается неизменным эпитетом «чурбан» и полной разобщенностью делающих одно дело людей. В конечном итоге армия, негласное мнение коллектива, ставят все на свои места, раздают каждому свое. И даже грозу подразделения, которого не уважали, но боялись, никто не выйдет проводить до калитки части, никто не подаст ему на прощание руки.

Говорят, армия уважает силу! Это правда. Но это не вся правда. За два года службы я убедился в том, что в не меньшей степени армия уважает ум, но самое главное – она всегда уважает труд, чей бы то ни было, если он действительно настоящий и честный.

Армия – это жизнь. Почему же за время моей службы два человека решили с ней расстаться? Оба перед этим получи-

ли письмо с сухо-стандартным: «Извини, выхожу замуж». Не оправдывая этих людей, хочу сказать, значит было у них что-то такое, без чего человек не представляет себе дальнейшего существования.

Армия – это любовь! Томительное ожидание писем, мучительные переживания и готовность поделиться ими с другом.

Армия – это великая дружба, не имеющая границ и срока давности. Она превыше всего, она священна. Где бы я ни был, в лесах Подмосковья, в Забайкальской тайге или на сопках Приморья, везде со мной были друзья, везде встречал я земляков. Непостижима тайна армейского землячества. Первый вопрос к незнакомому солдату всегда: «Откуда?». «Сколько прослужил?» – следующий. И если узнаешь, что он жил где-то в Поволжье, то это твой «зёма», ну а если он из Саратовской области, тем более из самого Саратова, то радости нет границ и, независимо от срока службы, этот человек воспринимается как близкий родственник.

Армия – это два года твоей юности, может быть самое лучшее в твоей жизни, это твое взросление, осознание самого себя.

Штабная машина, гремя и подпрыгивая на ухабах, отсчитывала первые километры навстречу «гражданке». Была радость, радость возвращения домой. Но когда скрылся в дымке мощный остов антенны наведения ПВО, последний при-

вет «оттуда», радость забила в самые дальние уголки души и, вытесняя ее, пришло острое чувство боли. Такое чувство временами бывает у каждого из нас, когда мы вдруг осознаем как коротка жизнь и как неповторима каждая ее минута.

3. АРЕНА

Это было милое кафе возле городского цирка. Что-то вроде заводской столовой со стойкой раздач, текстолитовыми подносами и дешевой едой. Однако водку разливали и здесь. Можно было взять еды на раздаче, а потом запастись стаканчиком или даже бутылочкой беленькой. Были и более благородные напитки, например, вино или коньяк.

Обычно заходил я сюда с сокурсниками. Однажды после занятий забрели мы в «Арену» с моим товарищем Володей. Тогда в кафе разрешалось курить. Мы расселись за столиком, выложили дорогие и редкие в те времена болгарские сигареты «ВТ», вальяжно затянулись и пригубили по рюмке коньяка.

За соседним столиком сидел не совсем трезвый, неопрятно одетый молодой человек. Он бросал на нас недвусмысленные злобные взгляды. Потом нестройной походкой подошел вплотную, бесцеремонно уселся на свободный стул и развязно спросил:

– Есть семнадцать копеек. На шафран не хватает.

Для тех, кто не знает, дешевое плодово-ягодное вино, в просторечии шафран, стоило в то время один рубль пять копеек. Еще двенадцать стоила бутылка, итого – рубль семнадцать. В кафе имелось и такое. Чтобы отвязаться Вовка от-

считал требуемую сумму. Но получилось как в известном анекдоте. Незнакомец вернулся с пузырьком и тремя стаканами. Он уселся за стол, откупорил бутылку и полностью разлил ее на троих.

– Ну, будем!

Отказаться мы не посмели. Уж больно грозный вид был у нахала.

– Поговорим? – Продолжил парень.

Мало по малу мы разговорились. Оказалось, не такой уж и страшный наш собеседник. Звали его Андрей. Из его грустной истории выходило, что служил он в Афганистане, в Кандагаре. Много повидал, и войну, и смерть. Был ранен. Девушка его не дождалась. И после возвращения он пьет уже второй месяц. До службы Андрей увлекался спортивной гимнастикой, был призером области.

Слова собеседника вызывали сомнение.

– Не верите? Если дадите мне еще на шафран, я сяду на шпагат.

Это становилось интересным. Мы сбросились на пузырек. После очередного выпитого стакана Андрей действительно попытался усесться на шпагат. Неуклюже раздвинув ноги, плюхнулся на пол как мешок, да так и застыл в неудобном положении. Оказывается, он просто заснул. Слава богу, что шпагат оказался продольным.

– Что тебе снится, крейсер Аврора? – Вова потрогал выпивоху за плечо.

Но ответа не последовало.

– Может он снова в тучах мохнатых вспышки орудий видит вдали? – философски подытожил я.

Слушая пьяную болтовню нового знакомого о службе в Афганистане, я вспомнил историю, рассказанную мне отцом.

МАРШАЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ

Все мы вышли из гоголевской шинели. Шинель будет главной героиней и в нашем рассказе. Было это в конце 1957 года. Мой отец, ефрейтор Красильников, служил тогда связистом в Закавказском военном округе. Часть находилась в подчинении окружного командования и располагалась в Тбилиси. Отец много рассказывал мне об этом чудесном городе, где дома ютились на утесах, сбегавших неровными уступами к Куре. А по вечерам над окрестностями раздавалось протяжное мужское многоголосье.

Сослуживцами отца были почти одни грузины, а взводом командовал русский – капитан Козлов. Казалось бы, не по рангу капитану командовать столь мелким подразделением. Однако были на то свои причины. Раньше Козлов был целым майором и командовал батальоном связи. Но любил приложиться к рюмке. Как то раз приехал в полк проверяющий из штаба, а командир связистов лыка не вяжет. Ну и понизили в звании и в должности, чтоб другим не повадно было.

Как не странно капитан привычек своих не бросил. Зачастую спирт, который выделялся на регламентные работы, то бишь, на протирку контактов, шел на пропой. Бывало на дежурстве Козлов, которого все за глаза называли «козел», закрывался в кабине связи и пил всю ночь напролет.

Капитан Козлов был родом из Саратова. Когда он узнал, что отец его земляк, стал часто приглашать ефрейтора к себе в кабину или в каптерку старшины, чтобы выпить и поговорить по душам.

— Красильников, ну-ка зайди ко мне, — говорил он, и было ясно, что придется пить всю ночь.

Поэтому сослуживцы считали отца любимчиком и завидовали ему.

— Что, опять бухали с «козлом», — говорил наутро с грузинским акцентом непосредственный начальник отца командир отделения сержант Вибляни. — Меня бы хоть раз пригласили.

— Ты же спирт не пьешь!

— В боевых условиях можно и спирт, — парировал Вибляни, хотя все знали, что каждую неделю сержант ходит в увольнение и возвращается от родственников с парой бутылок «Саперави».

После ночных попоек часто болела голова. Капитан Козлов не пил помалу. А отказаться не было никакой возможности. Как говорил известный киногерой: «Ты меня уважаешь? Так пей!»

Однажды пришлось пить с капитаном весь день, у него там в Саратове кто-то родился, кажется, племянница. Отец пришел в казарму под вечер с больной головой и свалился на кровать, чтобы отоспаться. Но не тут-то было. Грузины, которых во взводе было большинство расселись под окном и затянули свои бесконечные песни. Грузинское многоголо-

сье, кто его слышал, не может не понравится. В другое время отец с удовольствием послушал бы и «Сулико» и другие песни. Но только не сейчас, когда от выпитого раскалывался череп. Не спасала даже надвинутая на голову подушка.

– Да когда же они заткнутся?

А грузины все пели и пели. И не было тем напевам ни конца, ни края.

В итоге отец вылил со второго этажа ведро воды прямо на головы незадачливых певцов.

Гневу горячих горцев не было предела. Они ворвались разъяренной толпой в казарму, впереди всех сержант Вибляни. С криком «Зарэжу» он схватил отца за грудки, припер к стенке и изо всех сил стал его трясти.

Вдруг из-за широких грузинских спин раздался властный окрик капитана Козлова:

– Отставить!

Несмотря толпа мстителей разошлась. Но этим дело не кончилось. Впоследствии Вибляни водил отца к своим родственникам, угощал «Саперави» и, тыча пальцем, с восторгом говорил:

– Это тот, который вылил на нас ведро воды.

Грузины всегда любили храбрость.

Впрочем, вернемся к нашему повествованию.

18 октября 1957 г. было опубликовано Заявление ТАСС, где, в частности, отмечалось, что «...турецким генштабом

совместно с американскими военными советниками разработан оперативный план проведения военных операций против Сирии. Ни у кого не должно быть сомнения, что в случае нападения на Сирию Советский Союз, руководствуясь целями и принципами Устава ООН и интересами своей безопасности, примет все необходимые меры к тому, чтобы оказать помощь жертве агрессии».

Войска Закавказского военного округа выдвинулись к турецкой границе. Надо вам сказать, что командовал округом маршал Рокоссовский, который как в свое время и Жуков, попал в опалу. Хрущеву не нужны были герои-победители. Помимо оперативного штаба, который расположился в городе Мцхета, в живописных лесистых предгорьях для командующего построили небольшой бревенчатый домик. Маршал не прочь был побаловаться охотой.

Но, даже на охоте маршалу нужна связь. Поступил приказ: протянуть кабель в домик командующего. Капитан Козлов взял с собой сержанта Вибляни и ефрейтора Красильникова. И вот наша троица, подключившись к ближайшей воздушной линии, а проще говоря к столбу, пробирается по лесисто-гористой местности, протягивая полевик. Впереди, сверяясь с картой, ковыляет капитан Козлов, за ним Вибляни, замыкает колонну ефрейтор Красильников. Скрючившись, он разматывает кабель из висящей на плече тяжелой бухты.

– Товарищ капитан, можно помедленнее, – стонет ефрейтор.

– Вперед солдат, маршал не любит ждать.

Вдруг капитан неожиданно останавливается. Слава богу, заблудился «козел», – думают остальные.

– Сержант Вибляни, вы разбираетесь в картах?

– Никак нэт, вон у нас Красильников в политэхе учился.

– Ефрейтор, что означают эти полосы?

– Это бергштрихи, товарищ капитан.

– Берг.. что, что?

– Штрихи! Показывают наклон местности.

– Сам знаю, – делает умное лицо Козлов. – Так куда дальше идти?

– Судя по их направлению, вниз и направо.

Наконец наши герои выбрались на большую поляну, в центре которой стоял небольшой бревенчатый домик с крыльцом. Сбоку виднелось еще одно строение, на двери которого красовалась прорезь в виде бубнового туза. Каждый советский человек в этом чуде архитектуры несомненно узнал бы сортир.

Подойдя метров на сорок к крыльцу, связисты в нерешительности остановились.

– Надо бы доложить, – негромко проговорил капитан. Лишний раз на глаза начальства, особенно такого высокого, лучше не показываться. Кого послать? Конечно самого младшего по званию, кому терять нечего.

– Ефрейтор Красильников. Пойдите, посмотрите что к чему. Если командующий на месте отрапортуйте по всей фор-

ме.

Хоть бы было закрыто, подумал отец и двинулся к домику. Он поднялся по лестнице, дернул за ручку и дверь отвари-лась. Озираясь по сторонам, на ватных ногах ефрейтор во-шел внутрь. Домик был небольшой: прихожая и две комна-ты. В передней на крючке висела маршальская шинель. Все говорило о том, что хозяин дома.

– Товарищ маршал, – срывающимся голосом почти про-шептал отец.

Тишина.

– Товарищ маршал, – повторил он и переступил порог первой комнаты, представляющей собой импровизирован-ный полевой кабинет командующего. Пусто.

– Товарищ маршал, – прошептал ефрейтор и толкнул дверь второй комнаты, где стояла пружинная кровать и нехитрая мебель.

Пусто.

– Ф-ух, – с облегчением выдохнул отец и, посвистывая, двинулся назад.

Он выглянул из входной двери и призывно махнул рукой. По довольному выражению лица связисты поняли, что нико-го нет и бодро потащили кабель ко входу.

И тут отцу пришла в голову безумная мысль. Он бросился в сени, быстро нацепил маршальскую шинель, надел фураж-ку и вальяжно вышел на крыльцо.

Капитан и сержант застыли на месте как вкопанные. При

этом лицо капитана перекошилось. Он дико вращал глазами, силился что-то сказать, но словам не давал вырваться наружу застрявший в горле комок. Недаром говорят, что у страха глаза велики. В ужасе ни капитан, ни сержант не видели того, что шинель волочилась по полу. У отца рост был всего лишь 165 сантиметров, а у Рокоссовского под два метра. Никто из них не заметил, что фуражка свисала до самых глаз и болталась на голове, словно горшок на палке.

Наконец, нервно сглотнув слюну, Козлов заорал срывающимся голосом:

– Встать, смирно!

– Вольно, вольно, заносите, – небрежным жестом пригласил капитана ефрейтор.

– Я убью тебя, – закричал Козлов, а Вибляни давился от смеха.

– Ай, молодэц.

– Я тебя на губе сгною.

Впрочем, кончилось все благополучно. Связисты установили телефонный аппарат и получили благодарность от командования. К вечеру капитан отошел, и они крепко выпили. Козлов позвал и Вибляни, который по такому случаю тожепил разведенный спит. Захмелев, капитан многозначительно прикладывал палец к губам и постоянно повторял:

– Только никому, ни-ни, военная тайна.

– Нет, товарищ капитан, мы – могила.

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Отец мол-

чал, но нельзя было заткнуть рот Вибляни. Он рассказывал о случившемся своим родственникам и всем сослуживцам, каждый раз приукрашивая и добавляя новые черты. История обрастала фантастическими подробностями и стала почти легендой, а мой отец – полумифической личностью. Кажалось, скоро об этом будет знать вся Грузия, а о нем будут слагать песни как о витязе в тигровой шкуре.

Говорят, существовал еще один свидетель этой истории. По слухам, витавшим в штабе округа, маршал в это время сидел в нужнике, все видел и хохотал до слез. И хотя я знаю обо всем случившемся только со слов отца, а он как барон Мюнхгаузен никогда не врет, могу заключить, что так оно и было.

4. ЛЕДОК

История этого пивного бара началась еще в советские времена. Он располагался на улице Лермонтова недалеко от перекрестка с проспектом Ленина (нынче Московской). Как известно, тогда с пивом была напряженка. Бутылочное в магазинах появлялось редко и разбиралось очень быстро. В центре Саратова существовало всего несколько точек, где можно было купить разливное. Одним из таких мест был бар «Ледок». Можно сказать, что это был даже не бар, а полноценное кафе с десятком столиков. Единственное неудобство состояло в том, что за столами невозможно было засидеться. Они представляли собой высокие тумбы с полкой для вещей и круглой столешницей. Выпивать приходилось стоя. Впрочем, это не снижало популярность заведения.

На закуску предлагался довольно широкий выбор блюд: вобла, бутерброды с селедкой, раки и даже креветки, что в советское время было редкостью. Пиво наливали прямо из гибкого шланга, словно на конвейере. Очередь к стойке никогда не заканчивалась.

Публика собиралась соответствующая. Окрестные бомжи, заросшие щетиной интеллигенты и местные работяги. Люди посолиднее предпочитали более презентабельные места. Курить разрешалось, поэтому дым стоял коромыслом.

Под шумок можно было плеснуть в кружку принесенную с собой водочку. Многие забегали с трехлитровыми банками и даже с полиэтиленовыми пакетами, чтобы взять пиво на вынос.

Как-то раз я познакомился в «Ледке» с одним БИЧом (бывшим интеллигентным человеком). Мужчине было лет под шестьдесят, звали его Анатолий. Небритое лицо, трясущиеся руки – когда-то он работал преподавателем в университете на кафедре научного коммунизма. Он поведал мне, что ему надоело рассказывать студентам всякую чушь о скорой победе грядущего светлого будущего. Короче, решил резать правду-матку, за что и пострадал. Сначала его выгнали из партии, потом и с работы. Жена с бедолагой развелась, дети выросли и отвернулись от отца-неудачника. Так мужчина оказался на самом дне. Оставались кое-какие накопления, но скоро и они закончились. Пришлось продать доставшуюся от родителей однокомнатную квартиру и перебраться в коммуналку. Единственной жизненной отдушиной для Толяна стало почти ежедневное посещение пивбара.

Здесь мужчина знакомился с такими же как и он отщепенцами и они днями напролет травили байки и делились историями из своей жизни. Как-то раз Толян поведал о почти сюрреалистическом происшествии, которое все сочли за небылицу.

Несколько лет назад, умерла родственница одного из знакомых Анатолия. Хоронить решили в деревне, где жило

большинство членов семьи. Но как перевести труп? Заказывать труповозку – дорого, да и замучишься оформлять бумаги. Ничего умнее не придумали, как перевезти ее поездом, завернув в ковер.

Они поехали в плацкарте, а ковер положили на третью, самую верхнюю полку. Познакомились с попутчиками. Это были два мужика, по виду деревенские жители. Конечно, в дороге, как водится, все перепились. В те времена на выпивающую в поезде компанию никто не обращал особого внимания. Половина пассажиров бухала по-черному. Да и милиция не шерстила по вагонам как сейчас.

Наутро сильно болела голова, а соседей на месте не оказалось. Отсутствовал и ковер. В советское время хороший ковер был неизменным показателем достатка. Попутчики не смогли устоять. Проводник рассказал, что они вышли ночью. Тащили что-то тяжелое.

– А как же труп? – спросил я.

– Мертвую родственницу так и не нашли, – закончил рассказ Толян.

– Представляю, какой это был сюрприз для попутчиков.

– Вранье, – таков был всеобщий приговор посетителей бара.

«Ледок» просуществовал еще какое-то время. В девяностые, когда пиво появилось в каждом магазине, бар не выдержал конкуренции. В помещении прописался тематический

клуб для представителей секс-меньшинств с недвусмысленным названием «От заката до рассвета». Сейчас и его нет. Строение долго пустовало и ветшало на глазах. Потом его снесли. Теперь на месте заведения стоит какой-то новомодный особняк. Впрочем, это уже совсем другая история.

В связи с этим мне вспомнился случай из семидесятых годов прошлого века, напрямую затронувший меня и мою семью.

КРЕЩЕНИЕ

Это случилось в далеком 1970 году. Об этом уже в наши дни мне рассказал отец. Тогда он работал инженером-конструктором на Саратовском подшипниковом заводе в просторечие – Шарике, а мама трудилась на авиационном заводе экономистом.

Несмотря на то, что в прошлом родители были примерными октябрятами, пионерами, а потом комсомольцами, мама сохранила некоторую религиозность. Скорее всего, на нее повлияло семейное воспитание, в котором основную роль играла ее мать, моя бабушка, истово верующая и набожная женщина. При каждой встрече она буквально пилила свою дочь – окрестить да окрестить, а то внуки не попадут в царствие небесное.

Легко сказать – окрестить! А как бывшие комсомольцы при тогдашних марксистско-ленинских догмах могут пойти в церковь? Хотя, почему бывшие? Мама в свои 27 лет еще была комсомолкой. Короче, пятно на всю биографию. Хорошо еще, что родители не были партийными. Тогда разговор был бы короткий – партбилет на стол и прощай будущая карьера.

Как бы там ни было, в один прекрасный весенний день мама взяла меня за руку, сгребла в охапку сестренку, которая

была младше на год и куда-то повела. Мне было в то время всего три года, и я не совсем понимал, что происходит. Сначала мы долго ехали на троллейбусе. Потом подошли к красивому дому с золотыми маковками. Затем какой-то бородатый дядя брызгал на нас водичкой, давал вкусное печенье и ложечку сладкого компота. Было смешно и весело. В итоге на нас надели алюминиевые крестики на веревочке, и мы поехали домой. Вот и все, что я запомнил, приобщившись к церкви. Гораздо худшими были последствия для родителей.

Каким-то образом, хотя понятно каким, о крещении сразу узнали на работе. Говорят, все священники были негласными осведомителями всемогущей конторы под названием КГБ. Маму пропесочили на собрании и исключили из комсомола. Это было не так страшно, ведь в 28 лет комсомольский возраст заканчивался. При этом ударили и по карману – лишили квартальной премии. С отцом приключилась другая история.

Спустя некоторое время папу вызвали к начальнику отдела. В кабинете кроме него находился какой-то неизвестный человек.

– Вот познакомьтесь, это корреспондент областной газеты «Коммунист» товарищ Вагнер Роберт Генрихович.

«Еврей, что ли» – подумал отец.

Как будто читая его мысли, Вагнер проговорил:

– Я из поволжских немцев.

Он по-свойски похлопал отца по плечу, крепко пожал руку и попросил начальника оставить их наедине.

– Ну, рассказывайте Юрий Александрович, как же так получилось. Весь советский народ строит коммунизм, а вы своих детей крестите?

– Это все жена затеяла, – отец потупил глаза. – Я даже не знал.

– Да вы не волнуйтесь. Женщины – они все такие. Но вы, передовик производства, ударник социалистического труда куда смотрели?

Заметив, как при этом стушевался собеседник, журналист сменил тактику.

– Курите? – Он достал из кармана пачку «Явы».

Хоть отец и не курил, он дрожащими руками взял протянутую ему сигарету. Затянувшись, закашлялся с непривычки.

Еще чего доброго в обморок упадет, подумал Вагнер и проникновенным голосом сказал:

– Я все понимаю. Думаете, что я одобряю весь этот энтузиазм в кавычках. И церковь я уважаю. Расскажите мне, как все было.

Отец успокоился. Этот журналист ему даже чем-то нравился. Темные волосы с проседью, профессорская бородка – все говорило о том, что перед ним человек интеллигентный. Такой не предаст. И отец как на духу выложил ему все, что знал.

На следующей неделе в областной газете появилась большая статья под названием «Опиум для народа». Вот выдержка из нее:

«Молодая мама, комсомолка, втайне от мужа решила окрестить своих детей в церкви. Старшего сына она тащит за руку. Он упирается изо всех сил. Младшую дочь она держит на руках. Девочка плачет навзрыд.

В церкви темно и сыро. Бородатый священник еще больше пугает детей. Вот уже плачет и мальчик. Ему всего три года. Кем он вырастет с такой мамашей. Куда смотрит обманутый супруг?

Есть мнение, что трудовой коллектив должен заклеить позором подобное поведение молодой матери, чтобы никому не повадно было своими поступками дискредитировать великие завоевания социализма!»

Статью перепечатали в заводской многотиражке подшивного завода «Знамя труда». Коллеги втайне сочувствовали отцу, но в присутствие начальства демонстративно не подавали руки.

Мораль: не доверяй попам и журналистам!

5. КАЗИНО

Когда-то в лихие девяностые во всех городах нашей необъятной страны открылись тысячи казино и игорных домов, в которых истосковавшиеся по азартным играм россияне просиживали ночи напролет и проигрывали миллионы. Заработали казино и в Саратове. Только на проспекте Кирова расположились как минимум четыре заведения с рулеткой, блэкджеком и игральными автоматами. Далее, если спустаться по Волжской улице к набережной, еще штук пять игорных домов. А в большом зале ожидания речного вокзала по причине отсутствия судоходства разместилась игральная контора «Бинго». Тут разливали пиво и в режиме нон-стоп выпадали выигрышные номера. Выпил пиво, посмотрел в карточку, выиграл, снова выпил. Хорошо!

Да что там говорить, мне довелось побывать даже в знаменитом казино «Метелица», что располагалось на Новом Арбате в Москве. Но больше всего мне запомнилось казино в саратовском ресторане «Волга». Здесь можно было играть всю ночь до утра. Игрокам полагалась бесплатная закуска: канapé с оливками, колбасой и овощами, шашлычки на шпажках, бутерброды с селедкой и даже с икрой. Правда, выпивка разливалась за деньги и была довольно дорогой.

Обычно мы заходили сюда втроем. У нас сложилась устой-

чивая компания: я и двое моих коллег по университету: мужчина и женщина, можно сказать, девушка. Мужчина был с бородой и выглядел более чем солидно. Женщина примерно моего возраста носила очки и также смотрелась презентабельно. Примерно раз в неделю вечером после работы мы встречались на кафедре и выходили на проспект Кирова в поисках дозы адреналина. Ее нам давала игра в рулетку.

У нас было негласное правило: каждый играет на свои деньги, а общий выигрыш, если он случался, делился поровну. Я играл интуитивно, на удачу. У товарища с бородой была своя стратегия игры. Он долго присматривался к выпадающим номерам, потом надолго задумывался, мысленно осуществлял какие-то только ему известные вычисления, а потом делал ставки. Однако нельзя сказать, что он выигрывал чаще меня. Скорее – наоборот. Я пытался разузнать, в чем заключается его методика, но в ответ получал только странные и путанные рассуждения.

Главное было вовремя остановиться, не проиграть уже заработанные деньги. После окончания игры и при наличии выигрыша мы посещали ближайшее кафе и отмечали победу. Как правило, на всю сумму полученного наvara. Мы не копили. Товарищ говорил: «Как пришло, так и ушло». Да и выигрыши были по большей части небольшие.

Как-то раз я сорвал банк, оприходовал в рулетку кругленькую сумму. Три раза подряд поставил на «зеро» и трижды выиграл. Игровой стол сразу закрыли, а мой товарищ

все проиграл. Немного подумав, я счел справедливым не делить выигрыш поровну и отдал коллеге меньшую часть. Он сильно обиделся, но совместная выпивка сгладила неловкость.

В конце нулевых из-за запретов волна развития игорного бизнеса схлынула. Сейчас остались только одни букмекерские конторы. В связи с этим мне вспоминается один забавный случай, связанный с хмельным азартом, который когда-то рассказал мне отец, а ему, в свою очередь, мой дед.

ОСЬ ОТ КОЛЕСА

Шёл 1928 год – последний год НЭПа. Дед, тогда еще молодой парень – просто Сашка, жил на хуторе под Марксштадтом. Так назывался в то время центр автономной республики немцев Поволжья – бывший Екатериненштадт (впоследствии Екатериноград), а ныне Маркс Саратовской области. В городе проживало много зажиточных бюргеров, среди которых особенно выделялся герр Отто Мюллер. Как и подобает фамилии, Мюллер владел несколькими мельницами, а также содержал местный кабаk, или как он его называл «гаштет».

Питейное заведение представляло собой большой сосновый сруб. Внутри находился просторный зал с длинными деревянными столами и лавками. За стойкой стоял сам герр Мюллер и разливал водку, по-немецки шнапс, в большие двухсотграммовые стаканы. И хотя наемных работников у бюргера хватало, опасаясь обмана, он предпочитал наливать выпивку самостоятельно.

Молодежь окрестных хуторов нередко навещалась в райцентр, выпить немецкого шнапсу и погулять с местными краями. Сашка тоже нередко навещался к своему дяде, который держал кузнецу на окраине Марксштадта. Кузнец Василий был в своем роде уникам. Размером со шкаф, под два метра ростом, с таким же ненасытным брюхом, он отли-

чался нечеловеческой силой. Бог наделил дядю отменным здоровьем. Он пил водку литрами, пил и не пьянел.

Когда Василий приходил в гаштет, сбегались все окрестные немцы посмотреть, как поглощает шнапс эта бездонная бочка.

– Хорош, русский хорош, – кричали они без акцента и поднимали пивные кружки за здоровьяка.

Выручка вырастала сразу в несколько раз, поэтому хозяин кабака иногда поил дядю Васю бесплатно.

– Ты Василий заходи почаще, – ласково провожал дядю герр Мюллер.

На то у него были и другие причины.

Иногда гаштет посещали заезжие гости – по большей части зажиточные поволжские немцы. Как только они, изрядно захмелев, начинали распевать песни родной фатерлянд, а надо сказать, что бюргеры не забывали ни язык, ни традиции далекой родины, Мюллер посылал полового мальчишку за дядей Васей.

Вот и сегодня по дороге с ярмарки завернули в гаштет трое фольксдойче чтобы отметить выгодную сделку по продаже скотины. Карманы гостей были набиты деньгами, и герр Мюллер стал потирать руки в предвкушении грядущего навару. Для начала немцы заказали по кружке пива, в который предприимчивый хозяин кабака не забыл плеснуть немного водки. Гости осушили еще по паре кружек и перешли на

шнапс. Особенно налегал на выпивку толстый немец, которого друзья называли Кренц. Когда посетители изрядно захмелели, Мюллер подсел к ним и завел разговор. Он начал издалека:

– А что герр Кренц, сколько ты еще можешь выпить шнапсу?

– Да хоть литр, если бесплатно нальешь, – Кренц хитро подмигнул друзьям.

– Да он любого здесь перепьет, – задиристо оглядел сидящих в кабаке его товарищ.

– А русского перепьешь? – расплылся в улыбке герр Мюллер.

– Нет такой руссишшвайн, которого не перепил бы наш Кренц, – путая склонения, взревели друзья. Они приехали из далеких заволжских степей, чуть ли не из самого Казахстана, и конечно не знали известного всей округе Ваську-пропойцу. Тут, как по заказу, в кабак забежал Сашка. Мамка послала его за спичками.

– А ну-ка сынок, сбегай за дядькой, – ласково проговорил кабатчик.

– Да спит он еще. Сами знаете герр Мюллер как он вчера нализался.

– Сбегай я его бесплатно похмелю, – настаивал хозяин и в подтверждение вручил Сашке сахарный пряник.

– Отчего ж не сбегать, сию минуту слетаю, – обрадовался гостинцу Санек.

В кабаке произошло заметное оживление. Предчувствуя грядущий спектакль, посетители стали придвигаться ближе к столу заезжих гостей, а иные побежали за друзьями и родственниками. Душа старого Мюллера пела от радости: хороший сегодня выдался денек – и пари выиграю и на посетителях заработаю. Он уже не раз зашибал деньгу подобным образом. Из местных уже никто не осмеливался тягаться с дядей Васей по части выпивки, поэтому проезжие бюргеры могли стать для кабатчика источником легкой наживы.

Наконец появился заспанный Василий.

– Ну чего тут?

– Да вот, герр Кренц, грозитя, что перепьет тебя, – выпалил Мюллер. – А я говорю, что нет!

– Перепьет, клянусь свой муттер, – закричал изрядно подвыпивший товарищ Кренца.

– Ставлю червонец, что не перепьет, – подначивал гостя кабатчик.

– Отвечаю, – принял спор заезжий немец и бросил на стол смятую бумажку с профилем Ильича.

А надо вам сказать, что в то время на ленинский червонец, который изначально приравнивался к золотому николаевскому, можно было купить двенадцать килограммов вареной колбасы первого сорта или сто кило пшеничной муки.

Гаштет уже был полон людьми. Сбежались даже дородные немецкие матроны, а дети, которых из-за возраста не пускали в кабак, облепили все окна. Кренц осмотрел огромную

фигуру кузнеца.

– Корош русский, корош, – произнес, трезвея, немец. – Но, так не честно. Я уже выпил, а он совершенно трезв.

– Мы дадим тебе фору, – произнес Мюллер, наливая где Васе полный стакан водки. Василий, не моргнув глазом, выпил содержимое одним глотком. Он только рад был пить на халяву.

– Еще, еще, – запротестовал немец.

Вася осушил и второй стакан. И потеха началась. Договорились пить по стакану, закусывая каждый только одним соленым огурцом. Немец давился, но пил. Жадной кулацкой душонке было жалко червонца.

Окружающие бюргеры потешались и подначивали, делали ставки и жадно глотали пиво и шнапс. Кабатчик снова потирал руки. На четвертом стакане Кренц спекся. Он только немного отхлебнул, закашлялся и свалился на лавку. Под одобрительные крики присутствующих Василий допил свой шнапс, занюхал огурцом и покосился на Мюллера.

– И это все?

– Все. Бесплатно больше нет, хочешь пить еще – плати деньги, – мелочный кабатчик посчитал, что и так много заработал. Но скупость торговца взяла свое.

– Впрочем, если пересчитаешь спицы того колеса пердежом, – Мюллер показал на стоявшее в углу кабака колесо от телеги. – Налью и еще червонец дам сверху. А не пересчитаешь – чирик с тебя.

В колесе было не меньше восьми спиц.

– Отчего ж не пересчитать, можно и пересчитать, – нехотя поднялся с лавки кузнец.

– Вася, не делай этого, – взмолилась жена. Она была здесь, как и многие из сельчан, сбежавшихся в кабак, чтобы посмотреть на невиданное действо.

– Молчи женщина, – кузнец взял в руки колесо.

Огромный указательный палец уперся в первую спицу и наружу вырвался гулкий утробный звук, сопровождавшийся неимоверным запахом. Пересчет второй спицы был ознаменован не менее громким звучанием и зловонием. В набитом до отказа кабаке было душно. Присутствующие стали затыкать носы тряпками и старались дышать через рот. Посыпались советы:

– Так сильно не перди, береги воздух для следующих спиц.

Но Василий и не думал сдаваться. Когда пердежный подсчет спиц подходил к концу, лицо Мюллера стало вытягиваться. Он уже мысленно ругал себя за то, что связался с этим чертовым русским.

Под бурные аплодисменты Василий закончил пересчет колесных спиц. Но кузнец, казалось, не слышал оваций. Будто бы собравшись с мыслями, он упер свой толстый палец в ступицу колеса, и присутствующие услышали оглушительный грохот, словно рядом выстрелила пушка.

– А это тебе ось! – подытожил дядя Вася и громко рыгнул.

Со всех сторон раздался вопль восторга.

– Цум тойфель, – зло прорычал кабатчик, налил водки и швырнул на стол измятый червонец.

Справедливости ради необходимо заметить, что бюргер, ничего не потерял, так как проигранный чирик был благополучно пропит кузнецом с друзьями в тот же день в кабаке Мюллера.

– Да, незабываемые были времена, – тяжело вздохнув, закончил свой рассказ дед.

Шел последний год НЭПа. Уже скоро многие поволжские немцы будут сосланы в засушливый Казахстан и далее – за Урал. Минули десятилетия. А людская молва и по сей день разносит слух об этом удивительном происшествии.

6. РОССИЙСКИЙ ВИНА

Этот магазин с дегустационным залом находился на перекрестке улиц Московской и Чапаева. Здесь можно было купить и попробовать вина различных сортов. Продавались молдавские, кубанские вина и даже массандровский херес, который редко можно было встретить в обычных магазинах. Обстановка была вполне цивилизованной, если не считать отсутствие туалета. Зато из соседней подворотней круглосуточно разносился устойчивый запах мочи.

Публика в дегустационном зале тоже была вполне цивилизованная. Здесь можно было встретить чиновника средней руки, университетского профессора, декана и даже проректора. В обществе студенток они сидели за дубовыми столами и вешали им на уши лапшу. Один с масляным взглядом говорил своей спутнице, что ей обязательно нужно идти в аспирантуру, а он естественно поможет. Другой рассказывал, как он служил в Афганистане и чуть не попал в плен к душманам. Только благодаря своей отваге смог вырваться из окружения и спасти раненого товарища. А потом они отправляли погибших в цинковых гробах на родину.

Невольно слушая весь этот пьяный бред, я вспомнил один случай, который врезался мне в память. Как-то раз на пасху я гостил у дальних родственников в Красноармейске Саратов-

ской области – бывшем городке немцев Поволжья под названием Бальцер. Православный праздник проходил здесь весьма своеобразно. Меня разбудили ни свет, ни заря и позвали на завтрак. За большим столом собралось человек семь членов семьи. Посередине стояла огромная творожная пасха. Потом каждый из присутствующих налил себе в большую миску молока и бросил в нее изрядный кусок пасхи. Затем туда же отправилось покрошенное пасхальное яйцо. Получившаяся баланда была старательно перемешана. Чтобы не нарушать их традиций, мне пришлось проделывать за родственниками все манипуляции. Только я попытался попробовать указанное пойло, как услышал дружное:

– Христос воскрес, – и с удивлением увидел перед собой налитый до краев граненый стакан самогона.

Ответив вместе со всеми положенное:

– Воистину воскрес, – пришлось осушить вонючую жидкость и заесть, вернее запить, творожно-яичным месивом.

Как ни странно, оно хорошо погасило возникший после стакана самогонки пожар во рту и пищеводе. Окончив так называемый «завтрак», по местной традиции вся компания двинулась на городское кладбище. Мы шли по улице, вдоль которой почти в каждом доме жили ближние и дальние родственники моей, выпивающей с самого утра, семейки. Зря я втайне осуждал их. Оказывается, так делали здесь абсолютно все. Мы заходили почти в каждый дом, где повторялся уже известный мне ритуал с пасхой, яйцом и самогоном. Затем

хозяева присоединялись к нам и шествие продолжалось. Уже на подходе к кладбищу собралась изрядная толпа нетрезвых родичей. В голове сильно гудело и заплетались ноги, когда я увидел нечто, повергшее меня в ужас.

Среди покосившихся и полуистлевших, по виду не православных, крестов местные мальчишки играли в футбол, вы не поверите, человеческим черепом. Удар и вот – бам-ба-лам-бам-бам – покатила голова.

– Что они делают? Это же кошунство, – возмутился я.

– Да брось ты. Это ж фашист, – отмахнулся один из новых знакомых, видимо, дальних-предальных родственников.

– Какой фашист? Этим крестам лет сто.

– Все они на одно лицо, – зевнул захмелевший собеседник.

Это было старое немецкое кладбище, за которым давно никто не ухаживал. Во время Великой Отечественной всех немцев выселили, и они сюда больше не вернулись.

– Не веришь? – спросил я сидевшего рядом завсегдатая «Российских вин», знакомого доцента истории.

– Почему? Охотно верю, ненависть к фашистам у нас в крови, – ответил он. – Видел бы, ты как ухаживают за могилами наших бойцов в Германии. А насчет пасхи с водкой, так я приведу тебе другой пример экстремального чревоугодия.

КУЛИНАРНЫЙ ЭКСТРИМ

Однажды удалось выбраться с женой на недельку в Таиланд. Поехали туда в первый раз, поэтому выбрали доступную по ценам Паттайю. Перед поездкой составили список обязательных мероприятий, без которых невозможно окунуться в атмосферу страны, а затем рассказать об этом так, чтобы все завидовали. Наряду с поездкой на слонах, тайским массажем, посещением шоу трансвеститов и т.п. в нем, между прочим, значилось – поедание насекомых. «Кто тараканов не едал, тот Таиланда не видал!» – сказал мне искушенный товарищ, и на прощанье как-то двусмысленно подмигнул.

Об изысках тайской кухни наслышаны многие. Однако когда девушка-гид на экскурсии спросила, пробовал ли кто-нибудь блюдо из насекомых, вся группа (а было нас человек пятьдесят) скромно промолчала. Следующий день мы с женой посвятили поиску экзотического блюда. Несмотря на то, что на улицах Паттайи множество торговцев всяческой снедью, продавцов насекомых нам найти не удалось.

Уставшие, мы возвращались в отель, прямо напротив которого вели бойкую торговлю несколько лоточников. Затеплилась последняя надежда. Мы выбрали на вид самого вменяемого и попытались объяснить, чего хотим. Несколько раз прозвучало английское слово «битлз». Я пытался изобразить

жука или кузнечика. За это время мы успели познакомиться с улыбчивым тайцем, которого звали Абу. Было видно, что он всеми силами пытался нас понять, но наши попытки оказались тщетными.

На следующий день мне в голову пришла гениальная идея. В меру своих способностей я нарисовал на салфетке усатого жука и кузнечика, как поется в песне «коленками назад». Вечером мы показали рисунок Абу и произошло чудо – он нас понял. Видели бы вы, сколько радости было в его глазах. Абу стал угощать нас пивом и вот что он рассказал. Оказывается, торговцы насекомыми появляются только с наступлением темноты, не раньше восьми часов вечера. То ли потому, что днем они этих самых насекомых отлавливают, то ли потому, что местные власти не совсем поощряют подобное занятие. Мотто-рикши развозят свой товар на прикрепленных вместо мотоциклетной люльки прозрачных лотках и останавливаются в строго определенных местах. Один из них торгует как раз рядом с Абу. Чтобы не ждать, он предложил купить за нас различных насекомых и взял в задаток пятьдесят бат. Это такие тайские деньги.

Вы думаете, что после этого я наконец-то попробовал заветное блюдо. Как бы – не так. Когда поздно вечером мы возвращались в отель, огорченный Абу вернул деньги и сказал, что торговец приезжает всегда, но в этот день почему-то не приехал. На следующий день повторилась та же история. Когда после восьми вечера мы подошли к лотку Абу, продав-

да насекомых по-прежнему не было. При этом Абу заявил, что раз такое дело, то он «угощает», и как только торговец появится, он отберет самых лучших насекомых бесплатно.

Раздосадованные мы побрели вдоль улицы. Пройдя не менее ста метров, мы вдруг услышали позади радостный крик: «Мистер, мистер!». Это могло означать только одно: «Он приехал!». И действительно, рядом с лотком Абу расположился живописный таец с полным ассортиментом насекомых. Правда, он ни слова не понимал по-английски, но нас сразу же выручил верный Абу, который выступал переводчиком. Диалог был примерно таким:

– Что вы хотите?

– Каждой твари по паре, – ответил я.

– Дифферент, – поправила жена.

– Ту, – добавил я, – показав два пальца и ткнув поочередно в размещенные на лотке поддоны.

Торговец невозмутимо стал складывать насекомых, а заодно и несколько лягушачьих лапок в некое подобие дуршлага. При этом он ловко оторвал жесткие хитиновые панцири у двух больших тараканов, а затем погрузил дуршлаг на пару минут в кипящее масло. Наблюдая всю эту процедуру, я сильно стал подозревать, что некоторые из насекомых были живыми.

Итак, «контрольная закупка» была сделана. Дело оставалось за малым – съесть «насыщенных белком» козявок. Когда я выкладывал их на поднос, запах был ужасным. Но еще

ужаснее был их вид. Между тем экзотические продукты были вполне съедобны. Самыми вкусными оказались большие жуки (или тараканы) и саранча. Внутри было мясо, которое вполне могло бы сойти за дичь. Что же касается более мелких форм (кузнечиков, червячков и личинок), то по вкусу они напоминали что-то среднее между нашей воблой и обычными чипсами. Захрустишь – не устоишь! Запив эту трапезу изрядной порцией местного виски «Меконг» и отполивав рисовым пивом «Чанг» (что означает «слон»), я наконец-то почувствовал себя настоящим тайцем. Кстати, в целях профилактики желудочно-кишечных заболеваний действительно рекомендуется запивать подобные блюда крепкими спиртными напитками.

Когда на очередной экскурсии опять прозвучал вопрос гида:

– Кто пробовал насекомых?

Выдержав паузу и убедившись, что все молчат, я с гордостью ответил:

– Ну, я ел, – вся группа обернулась на меня.

– Понравилось? – продолжила девушка-гид.

– Конечно, – ответил я и не удержался от гастрономических подробностей. Послышался шепот:

– Надо тоже попробовать.

– А еще будете есть? – не унимался гид. И тут, сам не зная почему, я истошно заорал:

– Н-е-е-т!

7. БАРРАКУДА

В этом ресторане на Волжской улице я впервые попробовал невиданные для моей советской юности продукты: лягушачьи лапки и крокодила, каракатиц и текилу.

А было это так. Шел 1998 год. Как-то в январе мне позвонил Дима Ропотов, коллега по работе и предложил сходить в недавно открывшийся ресторан «Барракуда». Он пригласил меня, чтобы отпраздновать удачную сделку. Что-то там Дмитрий выгодно продал. Вообще он был человеком прижимистым. Хоть я его и недолюбливал, но согласился с затаенным желанием хорошенько покутить на халяву. Ведь до этого он не раз угощался за мой счет.

Зимняя стужа навевала тоску. А в ресторане было тепло и по-домашнему уютно. Интерьер был выдержан в морском стиле. С потолка нависали растянутые рыбацкие сети, в них запутались чучела диковинных обитателей моря: лобстера, рыбы-шара, краба, ската, крылатки-зебры и, конечно, барракуды. Было сказочно красиво. Уже потом я увидел всех этих тварей воочию, когда побывал на Красном море. В центре зала висел здоровенный марлин, то ли высушенный, то ли из папье-маше. Играла тихая расслабляющая музыка. Публика подобралась солидная. В глубине зала я заметил даже заместителя мэра города.

Видимо, Диман был здесь не первый раз. Он кивнул бармену. Нас усадили за свободный столик, официант зажег свечку в стеклянном шарообразном вазоне. Принесли меню.

– Что будем есть?

– Кто пригласил, тот и заказывает, – посмотрим, насколько ты раскошелишься, подумал я.

– Ты лягушек ел?

Не дожидаясь ответа, Дмитрий продиктовал:

– Две порции лягушачьих лапок, каракатиц и крокодила.

Щедрость Ропотова сильно удивила, но я не подал виду и вальяжно развалясь на стуле, проговорил:

– Ты кое-что забыл. Что мы будем пить?

– Ах да, бутылку текилы.

– Это что такое?

– Увидишь.

Сначала принесли ноль семь «Текилы», бутылку «Швепса», нарезанный лимон и зачем-то блюдечко с солью. «Сауза Голд», сорок градусов – прочитал я на золотой блестящей этикетке.

– Что за самогон?

– Темнота! Это напиток из мексиканского кактуса агавы. Есть текила осветленная, но самая натуральная – оранжевого оттенка.

– Сивуха из кактуса? Ничего, пойдет.

Я налил две рюмки и уже собирался выпить, как Дмитрий остановил мою руку.

– Неправильно пьешь. Смотри как надо.

Он насыпал горку соли между большим и указательным пальцем левой руки, выпил, слизал соль и закусил лимоном. Потом скорчил такую довольную гримасу, как будто выиграл джек-пот.

Нехотя, я повторил манипуляцию. Однако надо сказать, подобная процедура мне понравилась.

Затем за неспешным разговором мы съели лягушачьи лапки, кусочки крокодилового мяса и каракатицу. На гарнир, помнится, было картофельное пюре. Мне все время хотелось выведать у товарища, какую же сделку он провернул втайне от меня и так широко отмечает? Но он уходил от ответа. Зато рассказал мне интереснейшую историю из собственной жизни, которую я раньше не слышал. Я приведу ее ниже. Впоследствии Дима подозвал официанта и приказал ему:

– Уважаемый, сделай-ка нам «текилу-бум».

Официант налил в рюмку крепкий напиток, добавил «Швепс», накрыл салфеткой и как грохнет ее об стол. Я аж вздрогнул. Содержимое рюмки закипело пузырьками, и Дима с наслаждением выпил. Следующая бум-рюмка была за мной. Таким образом, мы допили бутылку.

– Больше всего мне понравилась текила-бум, а каракатица не понравилась, уж больно пачкается чернилами – зараза, – рыгнув, проговорил я заплетающимся языком на выходе.

Потом я еще не раз по дороге с работы забежал в «Барракуду», выпить бумкнутого напитка. Приходил всегда один,

садился у барной стойки. У Димана закончились деньги, а поить я его собирался. Со временем даже подружился с барменом. С ним было о чем поговорить. Хорошим барменом является не тот, кто виртуозно управляет с шейкером и жонглирует бутылками, а тот, с кем можно отвести душу. Однажды он рассказал мне историю про одного посетителя ресторана.

Это был богатый еврей. По мнению бармена, возможно, он не был евреем по национальности, но был таковым по сущности. Приехал клиент на дорогом внедорожнике, стол заказал заранее. С ним была пара гостей – женщина и мужчина, возможно, семейная пара. Отмечали какую-то знаменательную дату, как потом оказалось, день рождения этого самого еврея. Знакомого бармена поразил беспрецедентный факт, о котором ему поведал официант. Именинник отозвал его в сторону, и чтобы никто не слышал, заказал одну (!) порцию дорогого черепахового супа, но попросил разделить ее на три тарелки. Зато потом долго хвалился перед своими гостями, какой он щедрый, тыча пальцем на цену блюда в меню.

В заключении, как и обещал, приведу вам буквально дословно рассказ моего коллеги Ропотова. Если я и приврал, то только самую малость.

ЗАНЯТНАЯ ИСТОРИЯ С ВАУЧЕРАМИ

Эта поездка в Москву запомнилась им на всю жизнь. Состоялась она на второй день после памятного обстрела из танков Дома правительства России или, как его называли – Белого дома.

Два товарища Дмитрий и Юрий работали в одной из финансовых компаний Саратова. Обоим было лет по двадцать пять, оба высокого роста. Один, Дмитрий, был черноволосым, другой – Юра с волосами русого цвета. Друзья не так давно закончили ВУЗы и в поисках хорошей зарплаты устроились в одну фирму, которая занималась обменом приватизационных чеков на акции ЧИФов (чековых инвестиционных фондов). Конечно, это был всероссийский лохотрон, следующий, после грандиозного чубайсовского развода людей на ваучеры.

Прибыли наши герои в Москву 5 октября 1993 года. Прямо на Павелецком вокзале к ним подкатили два омоновца в бронежилетах, шлемах и с укороченными автоматами АК-СУ. Они проверили документы, тщательно общупали молодых людей во всех местах, включая промежность, и предложили открыть чемоданчик-дипломат. У Юрия ноги подкосились – дипломат под завязку был забит ваучерами, упаков-

ванными в стянутые резинками пачки по сто штук. Но служители закона видимо были настолько тупыми, что сквозь пальцы посмотрели на все это богатство и отпустили парней. Дмитрий облегченно выдохнул:

– Если бы там были деньги, нам несдобровать.

– Я, конечно, слышал об обстреле Белого дома, но не думал, что все так серьезно, – ответил Юра.

– Надо обязательно будет туда сходить и сфотографироваться. Это будет историческая фотка.

Но сначала необходимо было сделать несколько важных дел: сдать приватизационные чеки в несколько фондов и продать на бирже левые ваучеры. Левые – значит реализованные неофициальным путем, неподконтрольным руководству фирмы. Дело в том, что многие ЧИФы в оплату за свои акции принимали чеки либо натурой, либо деньгами по номиналу в десять тысяч рублей. В октябре 1993 года на Российской товарно-сырьевой, впоследствии – товарно-фондовой бирже ваучеры можно было продать уже выше номинала, а разницу положить в карман.

Решили начать с продажи приватизационных чеков. Операционный зал товарно-сырьевой биржи (РТСБ) располагался тогда на улице Мясницкой в здании бывшего почтамта недалеко от станции метро «Тургеневская». Уже начиная от выхода метро и до самого здания биржи, растянулась длинная цепочка желающих купить ваучеры. У каждого из них в руках была табличка с ценой в рублях и долларах за штуку,

а также приписка: «за большой пакет – особая цена». Для начала друзья намеревались продать 100 ваучеров.

У самого здания биржи, наконец, ребятам предложили хорошую цену – 11 долларов за чек. Доллар стоил тогда что-то около 1200 рублей. В общем, цена хорошая. Продавец предложил пройти в здание почтамта, чтобы он мог проверить подлинность ваучеров. Новоявленные коммерсанты расположились у широкого подоконника на первом этаже почтового отделения. Вокруг все было спокойно, ничего не предвещало беды. Кроме того у окошка обмена валюты стоял милиционер и наблюдал за порядком. Сначала продавец отсчитал тысячу сто долларов и дал их Юре, чтобы он убедился, что они настоящие. Баксы были подлинные, и Юрий спокойно вернул их торгашу. Тот сложил стопочку пополам, перетянул резинкой и сунул в барсетку. Затем продавец взял пачку ваучеров и стал долго рассматривать их на просвет, проверяя наличие водяных знаков. Все это он проделывал напротив большого окна, откуда просматривалась вся Мясницкая улица. Только потом ребята поняли, что и с улицы их было видно как на ладони. Вся эта утомительная процедура была придумана для того, чтобы подельники успели подготовиться.

– Все в порядке, – удовлетворенно сказал продавец и бросил пачку в барсетку.

Достал оттуда же сложенную пополам связку долларов и протянул ее Юрию. Сверху явственно была видна сто долла-

ровая купюра. Парень снял резинку, и пытался было пересчитать банкноты, как вдруг кто-то схватил его за руку с криками:

– Баксы! У него баксы! Я никогда не видел баксов! Покажи!

Юра инстинктивно сунул руку с долларами в карман. Крикун, который появился как черт из табакерки, так же быстро пропал со словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.